

Его Королевское Высочество Майкл, принц Кентский¹ ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Прежде чем начать разговор на тему международного диалога культур, я хотел бы остановиться на некоторых характерных особенностях глобализации, оказывающих большое влияние на культурную идентичность, на изменения в культуре, а также на экономику культуры и досуга. Далее хотелось бы заострить внимание на том, каким образом культурные связи, индустрия культуры и досуга могут оказывать положительное воздействие на последствия глобальных изменений, которые мы называем «глобализацией».

Энтони Гидденс определил глобализацию как «интенсификацию общемировых общественных отношений, которая связывает удаленные друг от друга местности таким образом, что события в одном месте происходят по образцу событий, случающихся за много миль от этого места, и наоборот» (Giddens, 1990). В этом отношении глобализация — отнюдь не новое явление, так как в течение столетий первопроходцы как

национального, так и международного уровня, а также армии империй и завоеватели оказывали влияние — и хорошее, и плохое — на различные области собственной страны, а также на другие регионы мира. Однако если говорить о том, что изменилось за последние 20 лет, то это масштаб, скорость и интенсивность происходящих изменений, а также способ, с помощью которого технологии скоростных коммуникаций повлияли на данный процесс.

Каким же образом заявила о себе глобализация, если говорить о влиянии довольно отдаленных событий на то, что происходит рядом с нашим домом? Хотелось бы заострить внимание на трех основных и весьма простых параметрах: экономическом, общественном и культурном.

Начнем с самого очевидного. Кризис субстандартного ипотечного кредита на американском рынке несколько лет назад вызвал практически всеобщий коллапс фондовых бирж. Чуть ли не за одну ночь компании и биржи во всем мире потеряли миллиарды фунтов условной стоимости, которые все еще не восстановлены. Но что, возможно, еще более важно, так это установление нового экономического мирового порядка, когда проигравшие стали победителями, а победители (главным образом те, чьи финансовые системы непосредственно и всесторонне зависели от других) превратились в проигравших. А те глубокие пропасти, в которые в 2009–2010 годах провалились некоторые западные экономики, необходимо обходить стороной. И в то же время глобализация в отношении открытых рынков и свободной торговли между странами продемонстрировала способность быть фундаментом для

¹ Член британской королевской семьи, один из потомков российского императора. Ведет обширную благотворительную деятельность. Особое место в его благотворительной работе занимает Россия: в июне 2004 года был основан «Благотворительный фонд Принца Майкла Кентского» для финансирования общественно полезных проектов в областях культуры, сохранения исторического и культурного наследия, здравоохранения, образования. Попечитель Института сертифицированных финансовых менеджеров (Великобритания), Российско-Британской торговой палаты, Лондонской школы бизнеса и финансов. Почетный доктор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Создатель ряда документальных фильмов, в т. ч.: “Nicholas and Alexandra”, “A Royal Family”, “Victoria and Albert” и др.

Рыцарь-командор Королевского Викторианского ордена, рыцарь Большого креста Королевского Викторианского ордена, рыцарь Справедливости ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Великобритания), награжден орденом Дружбы (Россия). Почетный доктор СПбГУП.

глобального экономического роста. (Как выразился один широко известный, хотя и неоднозначно мыслящий британский художник Грейсон Перри: «Не могу не думать о том, что экономический кризис может оказаться весьма полезным, для того хотя бы, чтобы слегка смыть систему в унитазах».)

Последствия мирового кризиса, усиленные влиянием глобализации, уже заявили о себе и проявились в таких аспектах, как:

- тенденция к смещению акцентов на национальный суверенитет в экономических отношениях;
- низкая ликвидность для корпораций и частных лиц;
- потребность в сильной национальной идентичности;
- ужесточение конкуренции в борьбе за международные рынки и ресурсы;
- понижение степени доверия между конкурирующими группами.

В социальном аспекте воздействие глобализации, как в буквальном, так и в переносном смысле, оказалось революционным. Тот факт, что общества могут взаимодействовать и имеют возможность отслеживать и принимать участие в событиях, происходящих вдали от них, способствовал произошедшим социальным и политическим изменениям на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это содействовало также тому, что голос демократии был услышан в такие сжатые сроки, которые немислимы были бы еще несколько лет назад. Использование Facebook и Twitter, а также других социальных сетей в сочетании с быстрым внедрением новинок в области мобильной телефонии, — все это вместе дало возможность людям всего мира социально взаимодействовать мгновенно, напрямую и визуально. Здесь, как говорят знатоки социальных сетей, никуда не спрячешься. Сейчас любой путешественник, используя мобильный телефон, может устроить видеоконференцию карманного формата и пообщаться с семьей. Кроме того, наряду с журналистами, он может в режиме реального времени посылать репортажи в новостные каналы. Например, один рядовой гражданин недавно рассказал о том, как узнал о движении «Белая лента»: «Я обнаружил информацию о движении “Белая лента” в Твиттере, однако я бы о ней узнал в любом случае, поскольку у меня много друзей “ВКонтакте” (самая большая социальная сеть в России)».

Влияние этих изменений на культуру столь же велико. Язык все еще остается главным средством общения, однако сегодня недостаточно разговаривать только на своем родном языке. Например, в Западной Европе, а также и во многих других регионах, английский является общепринятым языком межнационального общения, хотя знания одного этого языка уже недостаточно для сегодняшнего поколения. Необходимо знать по крайней мере еще один язык — например, китайский, — чтобы получить рабочее место на международном рынке труда (где работодатели становятся все более разборчивыми и интернационально-ориентированными в своей политике найма рабочей силы). Как недавно заметил Дэвид Грэддол в своей книге о всемирном английском “English Next” (2006):

«Анализ международных поездок указывает на то, что три четверти их происходит между не англоговорящими странами. Это предполагает повышение спроса либо на изучение иностранных языков, либо на расширение использования английского языка в качестве языка межнационального общения».

Доступ к культурному наследию — и к историческому, и к современному — стал моментальным и всеобъемлющим. Мы можем совершить виртуальное путешествие по Британскому музею в Лондоне или по музею Гуггенхайма в Бильбао, даже если находимся в другой части света; можем любоваться в онлайн-режиме национальной коллекцией Британского совета, в которой представлено 8500 произведений британского искусства; можем смотреть в местном кинотеатре трансляцию оперного спектакля из нью-йоркского «Метрополитен-опера». Виртуальная реальность превращается во вторую реальность. Грань между настоящей и виртуальной реальностью становится все тоньше, а различия все быстрее стираются. Культурная информация, культурные артефакты и культурные события стали доступны независимо от времени и места их возникновения. Однако точно так же, как экономическая глобализация испытала осязаемую потребность в большей экономической суверенности, культурная глобализация ощутила необходимость в усилении культурной идентичности.

Итак, учитывая все эти новшества, какая же роль выпадает на долю культурных связей и индустрии культуры и досуга?

В первую очередь, что касается культурных связей. Одним из неизбежных последствий глобализации стало растущее недоверие между различными группами мирового сообщества и, следовательно, возникла потенциальная угроза нестабильности и раскола. Несмотря на то что культурные связи не могут решить все проблемы, связанные с глобализацией, они играют очень важную роль во взаимодействии и взаимопонимании разных культур. В качестве иллюстрации: Британский совет — организация, с 1934 года работающая в сфере культурных связей, — накопил сотни примеров, которые демонстрируют преимущества культурных и образовательных программ и программ по обмену. Однако недавно была предпринята попытка подойти к этому вопросу со строго научной точки зрения: было проведено систематизированное исследование, в котором приняли участие 1500 молодых людей из Китая, Индии, Польши и Саудовской Аравии. Цель исследования: более объективно подтвердить то, что участие этих людей в программах по культурным связям с Германией, Францией, Великобританией и США так или иначе повлияло на степень их доверия к жителям и правительству этих стран. При помощи тщательно разработанной методики исчисления удалось показать, что результаты исследования подтверждают наличие систематической корреляции между участниками программ по культурным связям и возросшим уровнем их доверия к жителям и правительствам иностранных государств. Это стало весомым доказательством целесообразности того, что Джозеф Най назвал «мягкой силой» как наиболее тонкой формой ди-

пломатии (в отличие от «жесткой силы») или тактики принуждения, столь часто ассоциируемой с традиционной внешней политикой). Недавно он отметил в журнале «Foreign Policy» (апрель 2011 г.): «Лидер в эпоху глобальной информации — не король горы, отдающий приказы, устанавливающие распределение обязанностей в соответствии с иерархической лестницей. Это, скорее, человек, который находится в центре круга или сети: он привлекает и убеждает других присоединиться и помочь».

Конечно, понятие доверия само по себе неоднозначно — оно включает элементы уважения, обязательств и постоянства взаимоотношений на протяжении длительного времени; однако вывод, который Британский совет огласил после проведенного исследования, очевиден: культурные связи выстраивают доверие.

Еще более интересно и в какой-то степени предсказуемо то, что посещение чужой страны сильно связано с ростом доверия и что здесь наблюдалась корреляция с числом посещений. Результаты исследования однозначно показали наличие положительной связи между степенью приобретенного доверия по отношению к странам, принимавшим участие в исследовании, и желанием дальнейшего взаимодействия с этими странами: это убедительный довод в поддержку культурных связей. Такое доверие к жителям и правительству, а также последующее взаимодействие с ними является ключом к преодолению препятствий, встающих на пути позитивной глобализации.

Теперь обратимся к экономике культуры и досуга, что особенно близко Санкт-Петербургу. Это один из самых мощных инструментов для преодоления некоторых наиболее вредных последствий глобализации. Почему? Потому что, во-первых, это двигатель социальной интеграции (например, выступления оркестра «Западно-Восточный диван» под управлением Даниэля Баренбойма в Палестине, а также исполнение концерта для виолончели Дворжака Мстиславом Ростроповичем с Государственным симфоническим оркестром СССР в Лондоне в 1968 г.). Музей Гугенхайма был открыт в стране басков не случайно; возрождение Новой Голландии в Санкт-Петербурге — программа, которая тоже принята не просто так. Новая Голландия, которая первоначально, в 1721 году, использовалась в качестве первого российского военного порта (а позже как сушильня для лесоматериалов), теперь преобразуется в многофункциональную зону с художественными галереями, площадками для представлений и развлекательных мероприятий, коммерческими участками, жилыми помещениями и торговыми точками, что демонстрирует силу культуры как двигателя социального и экономического возрождения. Таким образом, история повторяется, поскольку Санкт-Петербург и при Петре Великом уже был глобализованным городом, куда стекались архитектурные таланты и профессионалы со всего мира. Город этот, как сказал в 1739 году Франческо Алгаротти, был «огромным окном, недавно открывшимся на севере, через которое Россия смотрит на Европу».

И вновь мы наблюдаем, как глобализация способствует тому, что лучшие профессионалы на всемирном

рынке (проект «Новая Голландия» был выставлен на международный тендер) имеют возможность внести положительный вклад в этот важный локальный социкультурный и экономический проект.

Во-вторых, экономика культуры и досуга открывает диалог и доступ к культурным ценностям, преодолевая физические границы: фильмы, книги, видео- и аудиозаписи, — все это дает пищу уму и порождает дискуссии. Например, экономика культуры и досуга использует коммерчески недорогой доступ в Интернет со всеми его преимуществами, когда загрузка книг (через Kindle, Tablets), музыки и фильмов легко осуществима, что делает культуру доступной для любого человека, имеющего выход в Интернет, в любом месте и в любое время. При такой свободе выбора и при таких технологиях качество литературы — художественной и специальной — остается таким же, но сама литература делается более доступной всему миру. И с течением времени эта открытость приведет к еще более расширенному межкультурному взаимодействию и, надеюсь, к большей толерантности и уважению к ценностям других культур.

И в-третьих, экономика культуры и досуга — ключ к экономическому развитию и процветанию на местном уровне. Как подсчитано, на долю индустрии культуры и досуга в Великобритании приходится более 8 % от национального дохода (сравните с 10 % у всемирно распространенной сферы финансовых услуг), здесь задействовано 5 % всей рабочей силы. В начале 2000-х годов экономика культуры и досуга в Великобритании росла с поразительной скоростью — 8 % в год, что сделало ее самым крупным креативным сектором в Евросоюзе и, если говорить о ВВП, вероятно, самым большим в мире. В контексте глобализации интересно порассуждать о том, почему Великобритания оказалась особенно удачливой в данной области, при этом не увлекаясь восхвалением творческих достижений страны (хотя очень хочется!). Я сосредоточу внимание на тесной связи между свободой выражения, культурным творчеством и экономическим успехом. Как и Великобритания, другие общества становятся все более образованными и обеспеченными; новые технологии повсеместно делаются доступнее.

Так почему же Великобритания лидирует в этой сфере? Частично это объясняется высоким спросом на новую культурную продукцию; и конечно, распространение английского языка во всем мире дает нашим учреждениям культуры и досуга большое преимущество. Творчество и новаторство рождаются из желания экспериментировать с «новым», а не прирастать к «старому». То есть учреждения культуры и досуга в Великобритании процветают в силу того, что толерантность и открытость новым идеям и культурам порождают новые мысли, а также в надлежащих условиях создают новые товары и процессы. В незнакомом границ виртуальном мире, при наличии соответствующей поддержки и желания, такое может происходить повсеместно. В данном контексте глобализация должна рассматриваться как позитивный процесс.

Почему в мире, где многое доступно на расстоянии, где почти каждый артефакт в любом му-

зее можно виртуально осмотреть, индустрии культуры процветают так, как никогда ранее? Почему, скажем, в 2010 году 5,8 млн человек посетили Британский музей в Лондоне, 5,1 млн — Галерею Тейт и 2,5 млн — Эрмитаж? И почему число посетителей этих культурных учреждений возрастает на 20 %

ежегодно? Подозреваю, что ответ кроется в главной теме нашей дискуссии — в глобализации: ведь чем сильнее глобализация навязывает ощущение экономической, социальной и культурной однородности, тем больше людей желают отличать себя и свои культуры от иных.